Ivan Michaelson Czap
1312 Morris Building
1421 Chestnut Street
Philadelphia 2, Pa.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ

Orthodox Life

Ежемѣсячное приложеніе къ журналу

„Православная Русь".

4

АПРѢЛЬ 1960 APRIL

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.
U. S. A.

Second-class postage paid at Jordanville, New York.

LIBRARY of the
PATRIARCH ATHENAGORAS
ORTHODOX INSTITUTE
at the GRADUATE
THEOLOGICAL UNION

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Послѣдняя Пасха. Архіепископа Виталія. 3
Поученіе о. Іоанна Кронштадтскаго на всерадостный день святой Пасхи. 4
Слово въ недѣлю о Ѳомѣ. Приснопамятнаго архіеп. Симона. 6
Пасхальная ночь. Стихотвореніе Н. Турениной. 8
Стихотвореніе. М. В 8
Почему мѣсто, на которомъ распятъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, — называется лобнымъ? (Изъ твореній св. Епифанія Кипрскаго). 9
Русская Пасха. Архіепископа Іоанна (Поммеръ) 10
«Господь его простилъ!» Георгія Вагапова. 12
Христосъ Воскресе! Стихотвореніе Андрея Саввина. 16

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

Подвигъ малиновки. Стихотвореніе Киры Л. 17
Страданіе св. великомученика Георгія. М. В. 19
Чудеса св. великомученика Георгія. М. В. 21

Училище благочестія.

Воистину Воскресе Христосъ! 27
Христосъ — новая Пасха. (О богослуженіяхъ св. Пасхи). 31

Имѣется на складѣ:

БОГОСЛУЖЕБНАЯ

ѰАЛТИРЬ

напечатанная фотографическимъ способомъ, крупнымъ церковно-славянскимъ шрифтомъ, съ киноварью, на хорошей бумагѣ. Всѣ стихи напечатаны отдѣльно. Послѣ каждой каѳизмы помѣщены положенныя молитвы и тропари. Въ концѣ имѣются: Пѣсни, Избранные псалмы и величанія, Послѣдованіе по исходѣ души отъ тѣла, Помянникъ, и Чинъ, како подобаетъ пѣти дванадесять псалмовъ. — 506 стр.

Цѣна въ листахъ $ 6.00

въ хорошемъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ $ 8.50

Ivan Michaelson Czap
1312 Morris Building
1421 Chestnut Street
Philadelphia 2, Pa.

Послѣдняя Пасха.

"Се восходимъ во Іерусалимъ"...

Восемьдесятъ одна зима промчалась надъ моей головой и восемьдесятъ одна весна смѣнила ее... Не будетъ ли эта для меня здѣсь на землѣ послѣдней?

Сколько чистой, свѣтлой радости послалъ Господь пережить мнѣ, въ юности, при наблюденіи за пробужденіемъ весной природы, отъ первыхъ признаковъ (ледоходъ, подснѣжники, прилетѣвшія птички) до полнаго расцвѣта!

Какъ глубоки и искренни были первыя переживанія отъ Великаго Поста, Вербной, Страстной и Воскресенія!

Но шли годы и тускнѣла свѣжесть. Ее замѣнила вдумчивость, глубина пониманія, сознаніе долга, волевыя усилія подвига, церковной дисциплины... пока были силы...

Теперь онѣ на исходѣ, совсѣмъ ослабѣли. Да будетъ воля Господня: "Дніе лѣтъ нашихъ, въ нихже 70 лѣтъ, аще же въ силахъ осмьдесятъ лѣтъ, и множае ихъ трудъ и болѣзнь: яко пріиде кротость на ны, и накажемся".

Два вѣка жизни были до потопа; теперь никому не положены.

Тѣмъ громче для меня да звучатъ предпостные призывы мытаря и блуднаго! Тѣмъ строже для меня да будетъ этотъ постъ послѣдней Четыредесятницы! Стени, душе, на великомъ покаянномъ канонѣ Андрея Критскаго, умились тихой радостью въ Благовѣщеніе и на Похвалу Богородицы.

Будь безбоязненнымъ свидѣтелемъ и предъ современными фарисеями и садуккеями воскрешенія 4-дневнаго Лазаря. Радостно ликуй со всѣми вѣрными и съ вайями — знаменіемъ воскресенія встрѣчай грядущаго Христа Спасителя. Въ Страстную Седмицу спостражди Его Страсти. Ни на шагъ не отставая, слѣдуй за Нимъ до Голгоѳы, да и радостное Его Воскресеніе видѣти сподобишися!

Съ радостнымъ днемъ послѣдней здѣсь на землѣ *Пасхи-Воскресенія* привѣтствую Васъ, дорогіе Первосвятитель — Митрополитъ Анастасій, Архипастыри, Отцы Духовные, Клиръ Братья и Сестры и Чада Духовныя: да сподобитъ насъ Воскресшій вѣчно царствовати въ невечернемъ дни Царствія Своего.

Христосъ воскресе! Воистину воскресе!

† Архіепископъ Виталій.

Апрѣль, 1954 года.

Поученіе о. Іоанна Кронштадтскаго на всерадостный день святой Пасхи.

Я есмь Первый и Послѣдній, и живый; и былъ мертвъ, и се, живъ во вѣки вѣковъ, аминь. И имѣю ключи ада и смерти (Апок. 1, 17-18). *Такъ говоритъ Святый, Истинный, имѣющій ключъ Давидовъ, который отворяетъ, и никто не затворитъ, затворяетъ, и никто не отворитъ* (Апок. 3, 7).

Христосъ Воскресе!

Съ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ привѣтствую всѣхъ васъ и хочу въ такой великій и святый день побесѣдовать съ вами, дорогіе братья и сестры, по поводу приведенныхъ словъ Св. Писанія; а дорогими васъ называю потому, что вы очень дороги для Господа нашего Іисуса Христа, искупившаго всѣхъ насъ безмѣрно дорогою цѣною — пречистою кровію Своею, изліянною на крестѣ для спасенія нашего. Помните это и не забывайте, отъ чего вы искуплены дорогою цѣною: отъ грѣха, проклятія и смерти, временной и вѣчной. Берегитесь же всѣми силами грѣха, натворившаго столько бѣдъ въ мірѣ, да и нынѣ творящаго всякія бѣды. Итакъ, еще повторяю: Христосъ воскресе! Воистину воскресе!

Хочу разъяснить вамъ приведенныя въ началѣ слова Св. Писанія изъ откровенія Апостолу и Евангелисту Іоанну Богослову: *Я есмь Первый и Послѣдній (Альфа и Омега), и живый; и былъ мертвъ, и се, живъ вовѣки вѣковъ, аминь. И имѣю ключи ада и смерти.* Этими державными словами Господь указываетъ на то, что Онъ есть безначальный и всемогущій Творецъ видимаго и невидимаго, или ангельскаго міра, — что всѣ твари получили отъ Него свое начало, и самъ Денница — низринутый съ неба и ставшій сатаною и діаволомъ, начальникомъ падшихъ ангеломъ, дерзнувшій воспротивиться Богу и вступить въ борьбу съ Творцомъ своимъ и внести въ міръ Божій грѣхъ и смерть; *Я,* говоритъ Господь, *есмь Первый и Послѣдній;* отъ Меня получили начало всѣ сотворенные духи — Ангелы и демоны, бывшіе прежде добрыми; Моимъ словомъ призваны къ бытію и земля и весь родъ человѣческій и даны имъ законы бытія и жизни; Мною совершаются и будутъ совершаться всѣ рожденія тварей, и Мною будетъ конецъ небу и землѣ со всѣми земными тварями; Мною будетъ общее всѣхъ воскресеніе и судъ; Мною будутъ побѣждены и попраны всѣ враги Мои и все сатанинское царство; Мною испраздчится, уничтожится врагъ — смерть.

Такъ какъ книга Откровенія Апостола Іоанна есть послѣдняя книга Св. Бытописанія, а первая книга есть книга Бытія міра и человѣческаго рода, писанная по вдохновенію Духа Святаго пророкомъ Моисеемъ, то, указывая на это, Господь говоритъ, что черезъ Него началось бытіе міра и лѣтопись бытія, какъ черезъ Него же послѣдуетъ и конецъ видимому міру, о которомъ возвѣщается особенно подробно въ книгѣ Откровенія,

и о послѣдней брани змія, или сатаны, съ Агнцемъ, закланнымъ и вкусившимъ смерть за спасеніе міра. Потому и говоритъ Господь Іоанну: *Я есмь Первый и Послѣдній,* т.-е. Мною все получило начало свое; Мною кончится; черезъ Меня будетъ и конецъ міра, конецъ царству сатаны и начало его вѣчнымъ мученіямъ, конецъ борьбѣ добра со зломъ, — конецъ смерти, конецъ умирающимъ — и воцарится правда, — отъ Меня получитъ праведное воздаяніе добро и зло, и пойдутъ *грѣшники* нераскаянные *въ муку вѣчную, а праведники въ жизнь вѣчную. Се иду скоро, и мзда Моя со Мною, воздати комуждо по дѣломъ его* (Апок. 22, 12), говоритъ Господь неоднократно въ книгѣ Откровенія. Указывая на то, что Онъ за насъ претерпѣлъ смерть и что несомнѣнно будетъ черезъ Него, Побѣдителя смерти, общее воскресеніе, Онъ говоритъ: *Я былъ мертвъ, и вотъ, Я живъ во вѣки вѣковъ, аминь;* и вы живы будете вѣчно. Вотъ что означаютъ слова Воскресшаго: *Я есмь Первый и Послѣдній, и живый, и былъ мертвъ* для васъ, для искупленія вашего отъ смерти, *и се живъ вовѣки вѣковъ, аминь,* т. е. Я побѣдилъ смерть вашу Моею неповинною смертію ради васъ, и вотъ живъ во вѣки вѣковъ и возсѣдаю со Отцемъ Моимъ на престолѣ Его, отъ Котораго не разлучался, хотя и былъ на землѣ, совершивъ великій подвигъ Мой для васъ, подверженныхъ грѣху и смерти; — подвизайтесь и вы, Мои послѣдователи, противъ грѣха и творите правду, *и гдѣ Я, тамъ и слуга Мой будетъ,* т. е. въ вѣчномъ царствіи (Іоан. 12, 26).

Еще замѣчательны слова Господа: *имѣю ключи ада и смерти;* или — въ другомъ мѣстѣ той же книги: *такъ говоритъ Святый, Истинный, имѣющій ключъ Давида, который отворяетъ, и никто не затворитъ, затворяетъ и никто не отворитъ.* Какъ побѣдители городовъ, въ древности, въ знакъ побѣды своей брали ключи городскихъ воротъ и вступали торжественно въ побѣжденный городъ, такъ и Господь нашъ, побѣдивъ смертію Своею за насъ адъ и смерть, взялъ, какъ Побѣдитель, у сатаны ключи, коими онъ владѣлъ цѣлыя тысячи лѣтъ, ключи ада и смерти, и разрушилъ адъ, это мрачное, вѣчное узилище земнородныхъ, и освободилъ вѣчныхъ плѣнниковъ и вывелъ во свѣтъ царствія небеснаго. — Вотъ почему мы такъ свѣтло, всѣ со свѣчами горящими, встрѣчаемъ праздникъ Воскресенія, который всѣ мы называемъ свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ.

Будемъ же праздновать его свѣтло, во взаимной любви и во всякой добродѣтели, удаляясь темныхъ дѣлъ вражды, невоздержанія и всякой нечистоты грѣха. Аминь.

Слово въ недѣлю о Ѳомѣ.

ПРИСНОПАМЯТНАГО АРХІЕП. СИМОНА, НАЧАЛЬНИКА ДУХОВНОЙ МИССІИ ВЪ КИТАѢ.

14/27 апрѣля 1930 года.

Нынѣ восьмой день праздника Пасхи. Прочіе великіе наши праздники такимъ числомъ дней оканчиваются ,а Пасха празднуется до сорокового дня, до праздника Вознесенія Господня.

Продолжительное празднованіе Пасхи не просто выражаетъ величіе этого праздника, но установлено для увѣренія насъ въ истинѣ воскресенія Христова.

И Апостолы Христовы не сразу утвердились въ вѣрѣ въ эту истину. Вотъ нынѣ въ Евангельскомъ чтеніи и въ пѣснопѣніяхъ изображается, какъ Ѳома, одинъ изъ двѣнадцати Апостоловъ, не хотѣлъ вѣрить, что Господь Іисусъ Христосъ воскресъ, когда прочіе Апостолы говорили ему о явленіи имъ Господа, и только тогда увѣровалъ когда Господь Самъ явился ему и показалъ язвы отъ гвоздей на Своихъ рукахъ и рану отъ прободенія копьемъ.

Ѳома не былъ съ прочими учениками, когда явился имъ Господь вечеромъ въ первый день по Своемъ воскресеніи. «Мы видѣли Господа», сказали другіе ученики Ѳомѣ. Но онъ сказалъ имъ: «если не увижу на рукахъ Его ранъ отъ гвоздей и не вложу руки моей въ ребра Его — не повѣрю. Послѣ восьми дней опять были въ домѣ ученики Его и Ѳома съ ними. Пришелъ Іисусъ, когда двери были заперты, сталъ посреди нихъ и сказалъ: миръ вамъ. Потомъ говоритъ Ѳомѣ: подай перстъ твой сюда и посмотри руки Мои, подай руку твою и вложи въ ребра Мои и не будь невѣрующимъ, но вѣрующимъ. Ѳома сказалъ Ему въ Отвѣтъ: Господь мой и Богъ мой» (Іоан. **20,** 24-28).

Ѳома не вѣрилъ, что Господь Іисусъ Христосъ воскресъ, слыша о томъ отъ другихъ, а когда удостовѣрился, что Онъ дѣйствительно живъ, воскликнулъ: Господь мой и Богъ мой. Явленіе Господа утвердило въ Апостолѣ Ѳомѣ вѣру не только въ воскресеніе Іисуса Христа, но и въ то, что Онъ есть Господь и Богъ. Такъ и мы, празднуя Пасху, не просто вспоминаемъ, что Іисусъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, но исповѣдуемъ, что Онъ Защитникъ нашей жизни: Онъ — Спаситель отъ всѣхъ бѣдъ и скорбей земной жизни и Побѣдитель самой смерти. Вотъ эту то истину мы и должны восчувствовать, празднуя Пасху, т. е. что если Іисусъ Христосъ живъ, то и мы живы, если Онъ послѣ распятія на крестѣ воскресъ, то и мы воскреснемъ.

Богъ создалъ человѣка для нетлѣнной жизни, но когда Адамъ и Ева въ раю преступили заповѣдь Божію, они осуждены были на тяжелый трудъ, болѣзни и смерть. Адаму сказалъ Богъ: «въ

потѣ лица своего будешь ѣсть хлѣбъ, доколѣ не вовратишься въ землю, изъ которой ты взятъ, ибо прахъ ты и въ прахъ возвратишься» (Быт. 3, 19), а Евѣ опредѣлилъ Богъ болѣзни рожденія дѣтей. Итакъ, вотъ картина человѣческой жизни послѣ грѣхопаденія: утомительный трудъ ради добыванія насущнаго хлѣба, болѣзни и заботы въ связи съ рожденіемъ и воспитаніемъ дѣтей, затѣмъ оскудѣніе силы, старость и смерть.

Этотъ образъ падшаго Адама — съ трудами, болѣзнями, заботами, грѣхопаденіями — и донынѣ виденъ въ родѣ человѣческомъ, и всѣ мы знаемъ, что умремъ, какъ умеръ Адамъ, какъ умерли наши предки, какъ ежедневно умираютъ вокругъ насъ люди. Но пока человѣкъ въ силахъ, ему свойственно защищать свою жизнь, — у большинства людей защита своей жизни выражается въ борьбѣ за земное благополучіе и эта борьба составляетъ весь смыслъ ихъ жизни, а потому многіе, потерявъ надежду на благополучіе и счастіе въ этой жизни, сами себя убиваютъ. Въ самоубійствѣ особенно ярко выступаетъ образъ падшаго человѣка, т. е. осужденнаго на смерть и признающаго надъ собой власть смерти.

Но нынѣ, когда возвѣщается намъ о воскресеніи Господа Іисуса Христа, предъ нами возстаетъ новый образъ — образъ человѣка, свободнаго отъ власти смерти. «Христосъ воскресши изъ мертвыхъ, уже не умираетъ: смерть уже не имѣетъ надъ Нимъ власти» (Рим. 6, 9). До воскресенія Христова былъ на землѣ только смертный родъ человѣческій, происшедшій отъ ветхаго Адама, а нынѣ явился новый Адамъ — родоначальникъ такого человѣческаго рода, который побѣждаетъ смерть и еще здѣсь, на землѣ, носитъ въ себѣ залогъ вѣчной жизни, не уничтожаемой тѣлесной смертью.

Этотъ залогъ вѣчной жизни состоитъ въ неугасающемъ одушевленіи, съ какимъ вѣрующіе въ Господа Іисуса Христа ведутъ борьбу противъ діавола и слугъ его. Гдѣ есть такое одушевленіе, тамъ смыслъ жизни полагается не въ сохраненіи земного благополучія, а въ побѣдѣ надъ лукавыми обольщеніями міра сего, въ обличеніи того обмана, въ какомъ власть тьмы держитъ людей, не утвержденныхъ въ вѣрѣ.

Во времена мира и внѣшняго благополучія, въ какомъ пребывало наше Отечество до начала мятежа и войны, религіозное одушевленіе — этотъ залогъ вѣчной жизни во Христѣ Іисусѣ — проявлялось въ подвигахъ благочестія и въ дѣлѣ благотворительности, а нынѣ, когда сатана открыто воцарился надъ русскимъ народомъ и грозитъ завладѣть всѣмъ міромъ, намъ, вѣрующимъ въ воскресшаго Господа Іисуса Храста — нужно быть готовыми на подвигъ мученическій: ибо если мы покорно склонимъ свою голову предъ врагами Христа-Бога нашего, то угаснетъ въ насъ искра

вѣчной жизни и мы не будемъ участниками торжества, когда совершится побѣда надъ антихристомъ.

Итакъ, празднованіе Пасхи да утвердитъ насъ въ вѣрѣ въ воскресшаго Христа и въ наше съ Нимъ воскресеніе.

Воскресшій Христосъ далъ намъ право и силу жить вѣчно. Не будемъ же унывать и отчаяваться при видѣ разрушенія нашего Отечества и гибели нашихъ братьевъ, но воспрянемъ духомъ и смыслъ своей жизни будемъ полагать не въ устроеніи земного благополучія, а въ борьбѣ съ антихристомъ, грядущимъ на вселенную.

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ.

О, Божья звѣздочка! Какъ ярко
Ты свѣтишь съ высоты небесъ,
И ждешь, какъ заиграетъ солнце,
Чтобъ съ нимъ воспѣть: "Христосъ воскресъ"!

Померкнешь ты съ его восходомъ,
Незримой станешь для людей,
Но тамъ, горѣ . . . свѣтилъ милльярды
Заблещутъ тысячью огней.

И всѣ міры съ земной планетой
Въ одинъ святой сольются гласъ:
"Христосъ воскресъ!" и, смерть поправши,
Грѣховный міръ отъ смерти спасъ,

Ликуютъ люди въ ночь святую, —
Всѣ тѣ, ко вѣруютъ въ Христа,
И не дерзаютъ силы ада
Въ ту ночь разверсть свои уста!

Н. Туренина.

***

Пасхальный вѣтеръ вѣетъ нѣжно . . .
Въ пасхальной радости сады цвѣтутъ . . .
Лепечутъ пташки безмятежно . . .
«Христосъ воскресъ!» — онѣ поютъ.

Какъ утро свѣжее прекрасно!
Какъ ярко зеленѣетъ лѣсъ!
Природа знаетъ чутко, ясно,
Что Онъ, Спаситель нашъ, воскресъ!

М. В.

Почему мѣсто, на которомъ распятъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, — называется лобнымъ?

(Изъ твореній св. Епифанія Кипрскаго).

Преданіе говоритъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ распятъ на Голгоѳѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погребено было тѣло Адамово, по тому что Адамъ, проживъ довольно времени противъ рая, по изгнаніи изъ онаго, и, бывши въ разныхъ мѣстахъ, напослѣдокъ пришелъ на то мѣсто, гдѣ построенъ Іерусалимъ, чтобы здѣсь отдать долгъ природѣ, и погребенъ на Голгоѳѣ, почему мѣсто это справедливо названо лобнымъ. Къ такому наименованію Голгоѳы другой причины нѣтъ: потому что она не имѣетъ никакого сходства съ черепомъ, ибо находится не на возвышенномъ мѣстѣ, какъ голова на туловищѣ, не выше окружающихъ ее мѣстъ, напротивъ гора Елеонская выше ея, даже крѣпость прежде существовавшая на Сіонѣ, а нынѣ уже срытая, была выше Голгоѳы. Итакъ отъ чего-же она названа лобнымъ мѣстомъ? Оттого, что здѣсь найденъ черепъ первосозданнаго человѣка и что здѣсь было погребено тѣло его *). Такимъ образомъ не напрасно изъ прободеннаго Іисусова ребра на сіе мѣсто истекла кровь и вода: кровію здѣсь орошено тѣло первосозданнаго человѣка — начатокъ состава нашего, въ показаніе того, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ кровь Свою пролилъ во очищеніе нашей скверны, а вода излита на лежащаго и погребеннаго на семъ мѣстѣ, дабы удостовѣрить его и насъ, потомковъ его, въ истребленіи и очищеніи скверны грѣховъ нашихъ. Посему на семъ мѣстѣ исполнились слова Писанія: *"востани спяй и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тя Христосъ* (Еф. 5, 14). Хотя слова сіи относятся и къ намъ, кои мертвы дѣлами и погружены въ глубокій сонъ невѣдѣнія; но главнымъ образомъ они исполнились на Адамѣ, ибо въ Евангеліи сказано, что тогда *тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа, и изшедше изъ гробъ, по воскресеніи, Его внидоша во святый градъ* (Матѳ. 27, 52. 53).

---

*) Другое преданіе относительно лобнаго мѣста, именно преданіе Іакова Ефесскаго, который былъ учителемъ св. Ефрема, говоритъ, что «праведный Ной, входя передъ потопомъ въ корабль, взялъ честныя мощи праотца Адама отъ гроба и внесъ ихъ съ собою въ корабль, надѣясь молитвами того быть спасеннымъ во время потопа. Послѣ потопа Ной раздѣлилъ эти св. мощи тремъ своимъ сыновьямъ и Симу, какъ старѣйшему сыну далъ честнѣйшую часть — лобъ Адамовъ и указалъ ему жить на той землѣ, гдѣ потомъ создался Іерусалимъ. Симъ же, по устроенію Божію, погребъ лобъ Адамовъ на высокомъ мѣстѣ, недалеко отъ того, гдѣ потомъ создался Іерусалимъ, и насыпавъ надо лбомъ большую могилу, назвалъ ее лобнымъ мѣстомъ» (Кам. Вѣры час. 1 стр. 322).

Русская Пасха.

Иностранцы, посѣщавшіе былую Русь, нарочито стремились приноровить посѣщеніе Москвы къ празднику Пасхи, чтобы побывать за свѣтлою заутренею съ ея единственнымъ въ мірѣ ликующимъ малиновымъ звономъ, неописуемой красоты богослужебнымъ чиномъ и несчетнымъ числомъ молящихся, собиравшихся на своего рода религіозный парадъ для выявленія во весь ростъ специфической, чисто русской религіозности. Праздникъ поражалъ не только внѣшнею красотою и грандіозностью, но еще болѣе духовнымъ величіемъ. Чувствовалось рѣшительно по всему, что Русь великая, могучая, святая Русь празднуетъ всей душой, всѣмъ сердцемъ праздниковъ праздникъ. Многочисленные и весьма помѣстительные храмы Москвы не въ состояніи были вмѣстить всѣхъ богомольцевъ. Тысячныя толпы стояли вокругъ храмовъ, стояли чинно, жадно ловя каждый звукъ, долетавшій изъ храма, и русское пасхальное ликованіе бурлило въ нихъ такъ же, какъ въ храмѣ. Вотъ изъ храма вышелъ на паперть служитель слова, командированный къ "внѣшнимъ". Вся многотысячная масса жадно впилась въ него и взоромъ и слухомъ. Заговорилъ: "Христосъ воскресе!" Изъ тысячъ устъ отвѣтили воодушевленнымъ: "Воистину воскресе!" Проповѣдникъ продолжалъ:

"Какъ невыразимо сладостно раздаются эти чудныя для каждаго христіанина слова, все равно — будетъ ли то старецъ или дитя, богатый или бѣдный, многоученый или простой. Не умомъ, но сердцемъ, лучше — всѣмъ существомъ — каждый понимаетъ всю силу этихъ восклицаній, какъ каждый ясно видитъ солнце, съ лучами свѣта отъ него исходящими и озаряющими всю поднебесную. Что солнце для вселенной, то воскресеніе Христово для нашей жизни. И какъ по закатѣ солнца все погружается во мракъ, такъ вся наша жизнь въ своей глубочайшей основѣ, какъ и во всѣхъ проявленіяхъ омрачалась бы непроницаемой тьмой, если бы не озаряло насъ солнце свѣтлаго Христова воскресенія. Тщетна была бы вѣра наша, если бы Христосъ не воскресъ. Не было бы вѣры въ жизнь, радость, счастье, въ истину, добро, справедливость... И глубокая скорбь безъ надежды на утѣшеніе разлилась бы надъ мрачною юдолью нашего земного странствованія.

Бѣдный труженикъ, всю жизнь бьющійся какъ рыба объ ледъ, изъ-за куска хлѣба, изъ-за насущнаго пропитанія, не видящій просвѣта радости, въ то время, какъ многіе, предаваясь праздности, проводятъ всѣ дни своей жизни въ веселіи, — что бы мы сказали тебѣ въ утѣшеніе?

Ты, обиженный богатыми, славными міра сего, ты, многострадальный Іовъ, въ комъ колеблется вѣра въ правду, въ законъ, въ виду торжествующей неправды, что могло бы отереть тебѣ слезы отъ горькой обиды, суровой несправедливости?

Вы, чье сердце поражается до глубины кровавыми, никогда неза-

бываемыми утратами, вы, плачущіе неутѣшно у гроба любимаго существа, кто дерзнулъ бы сказать вамъ: не плачьте?

Мы могли бы сказать вамъ: взирайте на Христа. Кто былъ безгрѣшнѣе и святѣе Его, чья жизнь непорочнѣе, кто больше Его дѣлалъ добра людямъ, кто возвѣщалъ болѣе возвышенныя и святыя истины? Взирайте на Него.

Да, сказали бы вы, но чѣмъ окончилась эта святѣйшая жизнь? Не торжествомъ ли надъ нею неправды и зла, зависти и насилія? Не умеръ ли Онъ замученный на крестѣ, могила не поглотила ли Его, какъ и всѣхъ? О, мы съ благоговѣніемъ и трепетомъ внимали дивному повѣствованію объ этой необыкновенной жизни, полной божественнаго свѣта, и сердце наше разгоралось любовью и надеждою, но вотъ прошли дни и годы, столѣтія и тысячелѣтія, какъ все это произошло... На что здѣсь надѣяться...

И эта рѣчь была бы правдива. Воистину мы были бы, по сильному выраженію св. Павла, людьми погибшими, все бы погибло, погибла бы вѣра въ жизнь, въ правду, въ добро, въ истину, если бы Христосъ не воскресъ...

Но... Христосъ воскресе, Христосъ воскресе, Христосъ воскресе! (Ликующія массы отвѣчаютъ: воистину воскресе, воистину воскресе, воистину воскресе). Солнце правды взошло надъ міромъ, исчезни же мракъ. Исчезни все, что можетъ омрачать нашу жизнь. Исчезните вы, мрачные представители неправды и насилія, исчезните враги истины, исчезни сама смерть со своимъ ядовитымъ жаломъ, исчезните всѣ слуги зла. Христосъ воскресъ, да расточатся врази Его. Нынѣ вся исполнишася свѣта, бытіе наше исполнено глубокаго смысла, сердце радостно трепещетъ новою жизнью и радости нашей никто не можетъ отнять у насъ. Христосъ враговъ побѣдилъ, восторжествовалъ надъ всеми силами зла, надъ всѣмъ, что можетъ омрачить нашу жизнь, лишить насъ радости, мира, вѣры, покоя. Христосъ смерть попралъ.

Потеря рая и блаженство рая, проклятіе и спасеніе, смерть и безсмертіе, время и вѣчность, земля и небо, какъ все это дивно и неразрывно сочеталось съ воскресеніемъ Христа.

Возведи очи твои и виждь: лучезарное солнце взошло, и нѣтъ цвѣточка, не обратившагося къ Нему, нѣтъ росинки, не отразившей Его, нѣтъ существа, не встрепенувшагося навстрѣчу Ему, нѣтъ на землѣ христіанскаго сердца, не озарившагося радостью воскресенія.

Сердце трепещетъ этою радостью и, мнится, вездѣ находитъ отзвукъ и всѣ люди, и небо, и воздухъ, земля и море, всѣ твари — все звучитъ побѣднымъ хоромъ, все трепещетъ предчувствіемъ новой лучшей блаженнѣйшей жизни.

Отдадимся же этой исключительной и единственной радости, обнимающей все, отдадимся ей беззавѣтно, безъ мѣры, безъ опасенія и сколько бы мы ни радовались, источникъ ея будетъ бить неистощимымъ ключомъ, и

самой вѣчности не исчерпать его. Христосъ воскресе, Христосъ воскресе, Христосъ воскресе!"

Послѣ могучаго: воистину воскресе, тысячи устъ потянулись къ пастырю для троекратнаго пасхальнаго лобзанья, а затѣмъ и по всей толпѣ сталъ царить этотъ священный русскій обычай — "христосованія". "Радостію другъ друга обымемъ; рцемъ, братіе... простимъ вся воскресеніемъ"— въ вѣрующихъ, воистину, воплотился тотъ священный духъ, которымъ дышитъ эта пасхальная пѣснь, и въ храмѣ и вокругъ храма и по всему лицу Руси святой стерлись всѣ мірскія различія сословныя, соціальныя, экономическія и пр., и пр., и пр., всѣ стали братьями, одушевленными единымъ духомъ Христовымъ.

Власть того пасхальнаго христіанскаго настроенія на Руси такъ велика, что предъ нею по швамъ становится и Чека и ГПУ, въ водоворотѣ пасхальныхъ чувствъ, не взирая на колючія запретительныя огражденія, вовлекаются и самые матерые коммунисты. Да, велика сила вѣры на Руси святой. Неизсякаема. Непреоборима. Въ ней спасеніе Руси.

Статья † *Архіепископа Іоанна (Поммеръ),*
умученнаго въ ночь съ 11-го на 12-ое октября 1934 г.

«Господь его простилъ!»

Колѣ было 15 лѣтъ. Наивный онъ былъ мальчикъ, хоть и учился въ пятомъ классѣ гимназіи. Его школа считалась самой трудной въ Москвѣ — нѣмецкая Петро-Павловская Гимназія. Вотъ и не помню, на какой улицѣ она находилась, чуть ли не въ Кривоколѣнномъ или Космодемьяновскомъ переулкѣ. Можетъ быть и ошибаюсь, только такое же своеобразное московское названіе. Ученіе давалось ему не легко, только и бралъ, что усидчивостью да чувствомъ долга, конечно не осознаннымъ, а вотъ тѣмъ, что Христосъ сказалъ: "Вѣрьте, какъ дѣти". Соученики его, все больше изъ нѣмецкой колоніи, Крюгеръ, Раузеръ, Краузе... Были и русскіе Поповъ, Павловъ, Ивановъ... Для нихъ и Законъ Божій преподавался отдѣльно, не пасторомъ, а русскимъ православнымъ священникомъ о. Алексадромъ Виноградовымъ, совсѣмъ еще не старымъ, такъ среднихъ лѣтъ, высокимъ, плотнымъ. Все въ немъ было красиво — густые съ сильной просѣдью свѣтлые волосы, здоровье отличное, довольно полное лицо съ голубыми радостными глазами, представительная, удивительно пропорціонально сложенная фигура, мягкій добрый голосъ, на шелковой темной рясѣ серебрянный академическій значекъ. Когда онъ входилъ въ классъ въ хмурую осоннюю или зимнюю погоду, сразу становилось свѣтло. Каковъ онъ былъ на видъ, такимъ былъ и преподавателемъ Закона Божія.

Что же удивительнаго, что и мальчики, его ученики, становились скромными и вѣрующими "какъ дѣти".

Это небольшое вступленіе не имѣетъ непосредственной связи съ настоящимъ разсказомъ, да только вспомнилось мнѣ мое дѣтство — я тоже учился въ Петро-Павловской Гимназіи. Разсказъ относится къ 1911 году. Да, давненько... Но не забыто!

Въ свои 15 лѣтъ Коля былъ мальчикомъ маленькаго роста, худой, но ничуть не болѣзненный, какъ могло показаться на первый взглядъ. Наоборотъ — хорошій гимнастъ, ловкій, граціозный въ движеніи. И лицомъ далеко не уродъ. Только одно обстоятельство сильно смущало его —голова чуть продолговатая и затылокъ съ уступомъ. А стригли голову наголо. Такъ ужъ заведено было въ многочисленной семьѣ: — для всѣхъ однообразный покрой до извѣстнаго возраста, а тамъ какъ знаешь. Вотъ и подсмѣивались надъ нимъ братья и сестры еще съ ранняго дѣтства — въ затылкѣ у тебя молъ лягушка-жаба сидитъ и расти не даетъ. И вѣдь повѣрилъ мальчикъ, вѣрилъ еще и теперь въ пятнадцать лѣтъ. Только и мечталъ о томъ, какъ бы операцію сдѣлать, жабу эту вынуть и вырасти больше всѣхъ братьевъ.

Чтобы не огорчать читателя повѣдаю, что такъ и случилось потомъ, нѣсколько лѣтъ спустя — переросъ всѣхъ братьевъ, безъ операціи обошлось, само все сгладилось. Отецъ Коли умеръ еще въ прошломъ году отъ воспаленія легкихъ. Семья переѣхала на собственную дачу, очень большую красивую дачу съ большимъ садомъ, приспособленную также и для зимовки — на станціи Клязьма въ двадцатипяти верстахъ отъ Москвы. Но теперь въ этой дачѣ жилъ одинъ только Коля. Мать съ его сестрой уѣхала въ Швейцарію къ старшей, замужней дочери поправлять здоровье послѣ тяжкихъ переживаній въ связи съ долгой мучительной болѣзнью и послѣдовавшей затѣмъ смертью мужа, Колинаго отца. Самый старшій братъ жилъ давно отдѣльно. Онъ былъ женатъ и имѣлъ двоихъ дѣтей. Двое другихъ братьевъ, почти взрослыхъ, устроились гдѣ-то въ городѣ, а третій, на два года старше Коли, на время каникулъ поселился у друзей.

Коля остался совершенно одинъ въ восьмикомнатной двухэтажной дачѣ, если не считать дворника Корнея съ семьей, занимавшаго деревянный домъ на дворѣ. Въ огромномъ деревянномъ домѣ зарила жуткая тишина, но Коля ея не боялся. Первые дни, послѣ отъѣзда матери и сестры, когда и братья разъѣхались, заручившись согласіемъ Коли ничего не писать объ этомъ мамѣ, было ему не по себѣ, непривычно тихо и мертво. И не только въ самомъ домѣ, но и на волѣ въ саду, застывшемъ въ глубокомъ снѣгу, на дачныхъ улицахъ, когда онъ, возвращаясь изъ города послѣ школы, шелъ по нимъ въ лунномъ сумракѣ и снѣгъ скрипѣлъ подъ ногами и вдругъ сквозь мертвый морозный воздухъ раздавался протяжный, въ безкрайнюю даль зовущій гудокъ паровоза.

Потомъ онъ привыкъ къ одиночеству. Да онъ не былъ одинокъ. Съ нимъ былъ Вальтеръ Скоттъ, Диккенсъ, Маркъ Твэнъ, Казимиръ Тэтмей-

еръ и много другихъ приложеній къ журналу "Нива", десятилѣтіемъ копившихся и хранившихся въ огромномъ крѣпкомъ дубовомъ ящикѣ для овса. Теперь эти книги были аккуратно разставлены на полкахъ въ его просторной комнатѣ верхняго этажа. Онъ не только привыкъ, но и полюбилъ долгіе зимніе вечера, когда онъ уютно устраивался у жарко натопленной голландской печки на мягкомъ креслѣ и при свѣтѣ большой розовой керосиновой лампы уходилъ въ иную жизнь: въ "Кенильвортскій Замокъ", въ "Бѣлую Мечту" или переживалъ вмѣстѣ съ Томомъ Сойеромъ его приключенія.

Но сегодня, въ Страстную Субботу, канунъ Св. Пасхи, что-то тревожило его, да такъ, что онъ не находилъ себѣ мѣста. Бродилъ изъ комнаты въ комнату съ зажженной свѣчей въ рукахъ. Эти съ дѣтства привычныя, уютныя, казалось, неотдѣлимыя отъ жизни комнаты, тускло освѣщенныя колеблющейся свѣчей, навѣвали сегодня таинственную жуть, неясную тревогу. Коля остановился передъ любимой картиной-пано внизу въ столовой: охотникъ сидитъ на стулѣ, ружье на колѣняхъ, лягавая собака преданными глазами смотритъ на хозяина.

"Что такъ сильно тревожило его, что не давало покоя? Завтра Пасха, а онъ одинъ? Да и не одинъ онъ вовсе. Кто-то съ нимъ, кто-то беззвучно зоветъ его куда-то, гдѣ ярко, свѣтло, торжественно, гдѣ сегодня будетъ воскресшій Христосъ. Гдѣ двое или трое соберутся во имя Мое..."

Сильный стукъ въ окно столовой заставилъ его вздрогнуть. Онъ не испугался, нѣтъ, — только вздрогнулъ отъ неожиданности. Почему онъ не боялся? Въ немъ жило какое-то безсознательное чувство увѣренности.

Онъ прошелъ къ окну, прижался къ стеклу, чтобы разсмотрѣть, кто тамъ стучитъ. Передъ своимъ лицомъ онъ увидѣлъ дуло револьвера.

"Открой окно, не то пристрѣлю!" — услышалъ онъ высокій хриплый голосъ.

Эта угроза не произвела на него впечатлѣнія. Онъ продолжалъ напряженно всматриваться въ ночную тьму. Разглядѣлъ человѣка, угрожавшаго ему смертью. Небольшого роста, худой, въ обтрепанной студенческой формѣ. Коля узналъ несчастнаго запойнаго пьяницу, вѣчнаго студента, возможно, давно исключеннаго изъ университета. Онъ не разъ встрѣчалъ его на Клязьмѣ въ позднюю осень, пьянаго, валявшагося въ продольной канавѣ улицы.

"Страстная Суббота" — промелькнуло въ головѣ Коли. Онъ спокойно открылъ окно и отошелъ къ печкѣ. Пьяный съ трудомъ забрался въ комнату черезъ отворенное окно. Револьверъ выпалъ изъ его руки. Онъ оставилъ лежать его въ саду подъ окномъ. Въ широко растворенное окно вливался легкій, весенній воздухъ, напоенный ароматомъ сырой земли и снѣга.

"Ты что это уставился на меня, мальчикъ? Не бойся, не трону! Это я только такъ, самъ не знаю съ чего".

Коля не отвѣчалъ. Онъ продолжалъ смотрѣть на своего ночного посѣтителя. Брезгливость и тяжелый упрекъ отразились на его лицѣ.

"Знать знакомъ тебѣ, что смотришь такъ пристально. А коли такъ, дай поѣсть. Голоденъ я. Рюмку поднесешь, скажу спасибо!"

"Поѣсть найдется, на спиртное не надѣйтесь. Садитесь тутъ въ кресло у печки, согрѣетесь".

"И на томъ спасибо, что не гонишь негодяя". "Студентъ" невѣрными шагами направился къ указанному креслу и съ размаху опустился въ него. Прикрылъ глаза грязной рукой, скрывая пьяныя слезы, сочившіяся сквозь пальцы.

Коля досталъ изъ буфета хлѣбъ, консервированную рыбу, клюквенный кисель, вилку и ложку. Поставилъ на столикѣ — "Ѣшьте! Да вы никакъ плачете? Это хорошо! Богъ проститъ!"

"Богъ, говоришь?" — вдругъ злобно крикнулъ студентъ. "Нѣтъ такого! Ты видѣлъ Его?"

"Вижу, съ вами Бога нѣтъ. А со мной есть. Вотъ и разница между нами!"

Пьяное лицо "студента" исказилось безудержной злобой. Онъ, видно, крикнуть хотѣлъ что-то, но воздуха не хватало. Слова вымолвить не смогъ. Сквозь открытое окно донесся колокольный звонъ изъ села Пушкино. Какъ-то неясно сначала, однотонно, даже жалобно, показалось Колѣ. Звуки стали отчетливѣе, яснѣе, переливчато-призывнѣе и вылились въ торжественно властные, всепобѣждающіе.

"Онъ зоветъ!" глухо вырвалось у "студента". "Пойдемъ?!" Въ этомъ послѣднемъ словѣ звучали стонъ и жалоба. Коля удивленно посмотрѣлъ на него. "Студентъ" потупился, точно приговора ждалъ.

"Пойдемъ, конечно, но только какъ же въ такомъ видѣ? Почиститься надо, вѣдь къ Богу идете! Вотъ щетка, а что костюмъ обтрепанъ, это ничего."

Коля подошелъ къ окну, глубоко вдохнулъ ароматный весенній воздухъ. Снова закрылъ. "Студентъ" стоялъ уже у двери. Онъ торопился, боялся упустить минуту просвѣтленія.

"А какъ же револьверъ?"

"Оставь его, онъ не стрѣляетъ, да и пустой. Такъ, для большаго эффекта!" Что-то вродѣ улыбки скользнуло по измученному лицу.

Они шли молча до самой церкви. Мягкая, сырая, но не грязная тропинка вела черезъ поле. Снѣгъ почти весь сошелъ. Легкій вѣтерокъ обдавалъ лицо весеннимъ тепломъ. Снова донесся колокольный звонъ.

"Съ крестнымъ ходомъ идутъ!" — пронеслось въ головѣ. Онъ перекрестился широкимъ крестомъ и поклонился на востокъ. Остановился и его спутникъ. Нерѣшительно, дрожащей рукой, какъ бы совѣстясь, дотронулся до лба. Рука инстинктивно опустилась на грудь и уже рѣшительно коснулась плечъ. Онъ свободно глубоко вздохнулъ и энергично зашагалъ дальше, увѣренно, твердо — хмель вышелъ изъ головы.

Большая каменная церковь была ярко освѣщена. Не только внутри но и снаружи толпился народъ, радостный, свѣтлый. У каждаго въ рукахъ

зажженная свѣча. Куличи, пасхи, крашеныя яйца разложены длинной прямой линіей для освященія на дворѣ при церкви.

Съ трудомъ протискались сквозь толпу. Коля остался стоять у притвора, его спутникъ пробрался къ Кресту Господню. Опустился на колѣни и застылъ. Не поднялъ головы даже тогда, когда священникъ трижды провозгласилъ: "Христосъ воскресе" и по всей церкви разнеслось отвѣтное "Воистину воскресе!"

***

Много много лѣтъ спустя я встрѣтился съ Колей въ Берлинѣ, случайно на вокзалѣ. Я увидѣлъ его въ окнѣ вагона второго класса, въ поѣздѣ, уходившемъ въ Парижъ. Поѣздъ тронулся. Я успѣлъ крикнуть:

"Коля, что стало съ вашимъ "студентомъ"!"

"Господь его простилъ!" — прокричалъ въ отвѣтъ Коля. Дальнѣйшихъ словъ я не смогъ разслышать подъ шумъ колесъ отошедшаго поѣзда.

Георгій Вагаповъ.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Страна моя, страна моя родная,
Какъ мнѣ забыть степей твоихъ просторъ?
Какъ въ день святой, твой образъ призывая,
Мнѣ пережить сыновъ твоихъ раздоръ?

Идутъ года, гдѣ мукамъ нѣту счета,
Идутъ года томительныхъ трудовъ,
Идутъ года позорящаго гнета,
Гдѣ нѣтъ конца стенаніямъ рабовъ...

Но живъ Господь средь ночи и стенаній,
Но живъ Господь, и близится разсвѣтъ.
Да сгинетъ ночь обмана и страданій,
Да сгинетъ ночь и возсіяетъ свѣтъ!

Но кто откроетъ намъ родной земли просторы?
Вѣдь насъ терзаетъ рокъ и губитъ насъ вражда...
Но сгинутъ въ день святой тѣ муки и раздоры,
И намъ укажетъ путь всевѣщая звѣзда.

Тогда откроются врата страны любимой,
Куда вернемся мы, томимые тоской;
Тогда приникнемъ мы къ землѣ своей родимой,
Тогда воскреснетъ Богъ и дастъ душѣ покой.

Андрей Саввинъ.

ОТДѢЛЪ ЮНОШЕСКІЙ И ДѢТСКІЙ.

ПОДВИГЪ МАЛИНОВКИ.

Вьется птичка такъ тревожно
Надъ Голгоѳой, у Креста —
Будто плачетъ, будто стонетъ
Въ изголовіи Христа.

Не понятно ей! Какъ люди
Могли это сотворить —
Іисуса, Іисуса
На Крестѣ здѣсь пригвоздить!

Вѣтеръ буйный дулъ сурово,
Чтобъ не выдать своихъ слезъ.
Если-бъ могъ! Онъ Іисуса
Въ небеса-бъ съ собой унесъ.

Тучи грозныя по небу
Яркой молніей сверкали,
Негодуя: люди, люди —
Сына Божія распяли!

А Христосъ, Спаситель міра,
Чтобъ спасеніе людямъ дать,
Отворить имъ двери рая,
Готовъ кротко былъ страдать.

Вотъ шипы въ вѣнцѣ терновомъ
Больно въ голову впились,
Вотъ изъ ранъ отъ нихъ глубокихъ
Струи крови полились . . .

Шипъ одинъ такъ сильно впился,
Не давалъ глаза поднять, —
Сталъ ужъ слишкомъ много боли
Іисусу причинять.

Не могла стерпѣть то птичка,
И рѣшила выручать —
Эти страшныя страданья
Умягчать и облегчать.

Ухватилась, потянула
Шипъ у самаго виска,
И вотъ — вытащила ловко,
Изъ несноснаго вѣнка!

Окрававленный, огромный,
Въ клювѣ птички шипъ торчалъ, —
Кровью, Кровью Пресвятою
Ей онъ грудку обагрялъ!

Поднялись тогда на птичку
Неземной красы глаза.
Сколько въ нихъ любви — въ страданьѣ!
Вотъ скатилася слеза . . .

И сказалъ Господь, такъ тихо:
"Пожалѣла ты Меня,
За терновый шипъ колючій —
Будетъ голосъ у тебя".

Іисусу внемлетъ птичка,
Глазъ горячихъ не сводя.
Вдругъ запѣла — такъ чудесно,
Нѣжно трели выводя . . .

И малиновка прекрасно
Съ той поры всегда поетъ,
Ея красненькая грудка
Дивный подвигъ выдаетъ.

И поетъ она всѣмъ людямъ
Въ дни Великаго Поста,
О предсмертныхъ крестныхъ мукахъ,
О страданіяхъ Христа.

Кира Л.

Страданія святаго великомученика Георгія.

При царѣ Діоклитіанѣ, въ римскомъ войскѣ былъ чудный воинъ Христовъ — святой Георгій. Отецъ его скончался мученическимъ подвигомъ, когда св. Георгій былъ еще ребенкомъ. Мать же его переселилась съ сыномъ въ землю Святую — Палестину. Св. Георгій сталъ юношей. Лицо его сіяло красотою. Онъ служилъ въ царскомъ войскѣ и былъ сильнымъ и храбрымъ воиномъ. Когда царь Діоклитіанъ задумалъ уничтожить всѣхъ христіанъ — св. Георгій роздалъ нищимъ все свое золото, серебро, одежды, — все имущество, которое ему досталось послѣ смерти его матери. Ему было тогда только двадцать лѣтъ. Онъ безстрашно высказалъ царю, что онъ христіанинъ, что онъ служитъ Господу Іисусу Христу, а не бездушнымъ богамъ, и посовѣтовалъ Царю поклониться Единому Истинному Богу.

Царь не далъ святому договорить и съ яростью приказалъ гнать его копьемъ въ темницу. Но, о чудо Божье! Острое копье, какъ только коснулось тѣла святого, сдѣлалось мягкимъ, какъ олово, и погнулось.

Воины въ темницѣ положили святого на полъ, лицомъ кверху, ноги забили въ колоду, грудь придавили тяжелымъ камнемъ. Великомученикъ только благодарилъ Господа. Діоклитіанъ придумалъ новыя муки святому. Онъ велѣлъ привязать святого къ колесу, подъ которымъ была доска, со вбитыми въ нее острыми желѣзными ножами. Стали вертѣть колесо. Тѣло мученика касалось ножей, и острое желѣзо на куски рѣзало великомученика. Святой тихо благодарилъ Бога. Царь Діоклитіанъ смѣялся и спрашивалъ святого: «Гдѣ твой Богъ, Георгій? Почему Онъ тебѣ не помогаетъ?»

Вдругъ потемнѣлъ воздухъ. Раздался страшный раскатъ грома. Многіе въ народѣ услышали Божій голосъ: «Не бойся, Георгій, Я съ тобою». Въ сіяніи явился ангелъ Божій. «Радуйся», сказалъ онъ великомученику. Онъ отвязалъ его отъ колеса, исцѣлилъ отъ

ранъ. Увидѣвъ это великое чудо, два знатныхъ человѣка сказали царю: «И мы христіане». Царь повелѣлъ мечемъ отсѣчь имъ главы. Царица Александра, жена царя Діоклитіана, увѣровала въ Господа нашего Іисуса Христа. Злодѣй Діоклитіанъ повелѣлъ св. Георгія зарыть на три дня въ известь, чтобы тѣло его сгорѣло въ ѣдкой извести. Когда черезъ три дня разрыли известь, то нашли св. великомученика живымъ и прославляющимъ Бога. Злой мучитель повелѣлъ обуть святого въ сапоги со вбитыми, острыми внутрь, гвоздями. И гвозди къ тому же раскалили до красна передъ тѣмъ, какъ обуть въ эти страшные сапоги святого великомученика.

Святой Георгій со свѣтлымъ лицомъ бѣжалъ на гвоздяхъ въ темницу и только молился Господу. Господь ночью въ темницѣ исцѣлилъ ему ноги. На слѣдующій день онъ здоровымъ явился къ царю: «Какъ понравились тебѣ сапоги?» — насмѣшливо спросилъ жестокій царь. «Очень понравились», кротко отвѣтилъ святой.

Царь опять приказалъ ему принести жертву богамъ, но святой отказался. Тогда мучитель повелѣлъ бить великомученика въ уста и по всему тѣлу. Куски мяса отпадали, кровь лилась на землю. Но ликъ великомученика все такъ же свѣтился — и онъ только восхвалялъ Господа.

Царь повелѣлъ волшебнику Аѳанасію напоить св. Георгія отравою. Святой выпилъ смертоносный напитокъ и, къ удивленію волшебника, остался живъ. Волшебникъ сказалъ святому: «Если, какъ ты разсказываешь, Твой Христосъ Истинный Богъ, то именемъ Его воскреси мертваго». Св. Великомученикъ Георгій именемъ Божіимъ воскресилъ мертвеца. Волшебникъ Аѳанасій увѣровалъ въ Господа нашего Іисуса Христа. Мучитель царь тотчасъ же повелѣлъ и увѣровавшему Аѳанасію и воскресшему человѣку отсѣчь главы мечемъ, а святого приказалъ снова бросить въ темницу.

Множество народа стало приходить къ святому Георгію, и онъ училъ ихъ вѣрѣ Христовой.

У одного крестьянина волъ упалъ съ горы въ пропасть и разбился. Этотъ человѣкъ — простой сердцемъ — услышавъ о святомъ, пришелъ къ нему, плача о своемъ волѣ. Святой улыбнулся и тихо сказалъ ему: «Иди братъ и радуйся. Мой Христосъ оживилъ твоего вола». Крестьянинъ повѣрилъ — и нашелъ живымъ своего вола. Онъ вернулся къ великомученику и, идя по городу, громко восклицалъ: «Великъ Богъ христіанскій». Діоклитіанъ велѣлъ вывести его за городъ и тамъ отсѣчь ему главу мечемъ. А увѣровавшій крестьянинъ спѣшилъ на смерть, какъ на пиръ, торжествуя и радуясь.

Однажды ночью молился св. Георгій и задремалъ. Во снѣ явился ему Господь, Который съ любовью обнялъ его и поцѣловалъ. Надѣвъ великомученику на голову прекрасный вѣнокъ, Господь сказалъ: «Скоро ты придешь ко Мнѣ, въ Мое Царство».

Не долго оставалось святому жить на землѣ. Въ скоромъ времени царь снова призвалъ его къ себѣ и повелѣлъ принести жертву богамъ. Но св. Георгій именемъ Божьимъ сокрушилъ идоловъ. Каменные боги упали и разбились на куски. Нельзя описать, какъ разгнѣвался царь, увидѣвъ своихъ боговъ лежащими на землѣ. Царица Александра, жена царя Діоклитіана, громко сказала, что и она христіанка, и припала къ ногамъ Великомученика Георгія. И повелѣлъ жестокій царь, и св. Георгія, и царицу Александру вывести за городъ и тамъ отсѣчь имъ главы мечемъ.

Царица Александра не дошла ко мѣста казни. Въ изнеможеніи отъ усталости она сѣла по дорогѣ возлѣ стѣны, склонила голову — и съ молитвою на устахъ умерла. Такъ улетѣла къ Господу ея чистая душа. Св. Георгій, увидѣвъ кончину царицы, прославилъ Господа. На мѣстѣ казни онъ молился за тѣхъ, кто его мучили. Святой самъ преклонилъ главу подъ мечъ. Казнь совершилась. И ушелъ святой великомученикъ и Побѣдоносецъ Георгій ко Господу въ рай, гдѣ ждалъ его Христосъ Богъ нашъ, чтобы возложить на него тотъ прекрасный вѣнокъ, который святой видѣлъ во снѣ.

Чудеса святаго великомученика Георгія.

Великія чудеса и послѣ смерти творилъ св. великомученикъ Георгій. Вотъ нѣсколько чудесъ, имъ совершенныхъ.

Однажды строили въ Сиріи каменную церковь во имя святого великомученика Георгія. Для церкви каменные столбы доставляли моремъ, такъ какъ около города нельзя было достать такихъ столбовъ. Благочестивые люди ѣздили за этими каменными столбами. Поѣхала и одна бѣдная благочестивая вдова. По бѣдности своей смогла купить она только одинъ столбъ. Она привезла его къ морскому берегу, гдѣ одинъ богатый человѣкъ грузилъ на корабль свои столбы, чтобы везти ихъ въ городъ Рамель для церкви великомученика Георгія. Бѣдная вдова просила взять и ея столбъ, но богачъ не согласился — и отплылъ въ свой городъ. Вдова плакала отъ огорченія. Такъ скорбя, она незамѣтно уснула.

Во снѣ къ ней явился великомученикъ Георгій, на бѣломъ конѣ. «О чемъ ты плачешь, женщина, скажи мнѣ?» — спросилъ онъ. Она разсказала ему все. «Гдѣ ты хочешь, чтобы былъ поставленъ этотъ столбъ?» «На правой сторонѣ церкви», отвѣтила вдова.

Великомученикъ св. Георгій начерталъ пальцемъ на каменномъ столбѣ: «Это — столбъ вдовы. Пусть его поставятъ на правой сторонѣ церкви». Затѣмъ св. Георгій попросилъ вдову помочь ему сбросить столбъ въ море. Проснулась вдова и удивилась, не найдя на мѣстѣ столба. Его нашелъ богачъ, лежащимъ на берегу, возлѣ пристани, когда сходилъ съ корабля. Увидѣвъ надпись, онъ понялъ, что это великое чудо сдѣлалъ самъ св. великомученикъ. Богачъ каялся въ томъ, что не исполнилъ просьбы бѣдной вдовы и со слезами просилъ прощенія у св. Георгія Побѣдоносца. Столбъ былъ поставленъ на правой сторонѣ церкви, какъ написалъ великомученикъ по просьбѣ бѣдной вдовы.

Прошло много лѣтъ. Въ городѣ Рамели въ церкви св. великомученика Георгія свершилось великое чудо. Въ церковь вошелъ сарацинъ. Увидѣвъ икону св. Георгія и священника, молящагося предъ иконою, онъ засмѣялся и сказалъ другому сарацыну: «Смотри, молится доскѣ». Сказавъ такъ, безумный выстрѣлилъ изъ лука въ икону. Стрѣла полетѣла не въ икону, а въ высоту, и, упавъ, поранила руку сарацына. Придя домой, онъ сталъ страдать отъ отъ жестокой боли: рука распухла. Онъ громко стоналъ. У него были рабыни христіанки. Онѣ объяснили ему, какой великій грѣхъ онъ сотворилъ, и посовѣтовали ему позвать священника. Сарацынъ послушался ихъ. Священникъ ему объяснилъ, что на доскѣ изображенъ святой Георгій — великій угодникъ Божій: «Потому болитъ у тебя рука, что ты прогнѣвалъ Господа, пустивъ стрѣлу въ Его великаго святого», сказалъ священникъ.

«Я умираю. Что мнѣ дѣлать?», — спросилъ страждущій. Священникъ посовѣтовалъ ему приказать принести къ себѣ икону св. великомученика Георгія на всю ночь, зажечь лампаду передъ нею, а на утро помазать масломъ изъ лампады больную руку. «Если повѣришь, то выздоровѣешь». Такъ и сдѣлалъ сарацынъ и исцѣлился. Онъ увѣровалъ въ Господа нашего Іисуса Христа. Ночью священникъ крестилъ его. На утро вышелъ сарацынъ изъ своего дома и, посреди города, сталъ разсказывать, что съ нимъ произошло и какъ онъ повѣрилъ во Христа, Сына Божія. Множество сарацынъ въ ярости устремились на него, какъ дикіе звѣри, и посѣкли его мечами. Такъ принялъ новокрещеный мученическій вѣнецъ.

На островѣ Милитинскомъ была церковь во имя св. Георгія Побѣдоносца. Церковь была большая и красивая. Жители острова торжественно праздновали день памяти святого. Объ этомъ

празднествѣ узнали враги — агаряне. Они вечеромъ внезапно напали на народъ, собравшійся въ церкви, и взяли всѣхъ въ плѣнъ. Среди плѣнныхъ былъ одинъ юноша. Его взялъ къ себѣ въ рабы самъ князь агарянскій. Родители юноши почитали св. Георгія. Придя въ церковь въ день его памяти, они и въ домѣ своемъ въ честь святого устроили, какъ всегда, трапезу. Мать юноши горько, со слезами, молилась въ церкви святому Георгію Побѣдоносцу. Помолившись усердно, мать юноши пошла домой встрѣчать гостей. Мужъ ея тоже передъ трапезой призывалъ имя святого великомученика Георгія и просилъ у него помощщи. И произошло чудо Божіе. Святой Георгій явился на бѣломъ конѣ ихъ сыну, который въ это время наливалъ вино князю агарянскому. Взявъ юношу, святой перенесъ его родителямъ. Сынъ ихъ внезапно оказался стоящимъ передъ ними и ихъ гостями — съ сосудомъ вина. Радуясь разсказывалъ онъ всѣмъ о чудѣ, которое сотворилъ съ нимъ великомученикъ.

Чудо, подобное только что описанному, сотворилъ святой Георгій и съ сыномъ священника острова Кипра. — Юноша плылъ на кораблѣ, когда напали на корабль сарацыны и взяли его въ плѣнъ. Они отвезли его въ Палестину. Три года прожилъ юноша въ плѣну. Однажды, господинъ его приказалъ снести свою постель въ общую баню, захотѣвъ тамъ вымыться. «Взялъ-ли ты съ собою опсима (особый напитокъ сарацынскій)?» —спросилъ господинъ юношу. Когда тотъ отвѣтилъ: «нѣтъ, господинъ мой!» —разгнѣванный сарацынъ собрался бить несчастнаго. Бѣдный юноша побѣжалъ домой за напиткомъ. По дорогѣ онъ зашелъ въ церковь. Какъ разъ пѣли кондакъ св. Георгію Побѣдоносцу. Плача, сталъ молиться юноша, чтобы святой вывелъ его изъ плѣна. Вернулся юноша къ своему господину съ напиткомъ-опсимомъ и сталъ подливать кипятку въ «опсимъ», — какъ вдругъ какая-то сила подняла его отъ земли и перенесла его прямо въ алтарь, къ отцу. Священникъ служилъ литургію. Перенесъ юношу св. великомученикъ Георгій въ такомъ видѣ, какъ онъ прислуживалъ своему господину. Въ одной рукѣ онъ держалъ склянку съ опсимомъ, а въ другой — сосудъ съ кипяткомъ. Отецъ узнавъ сына и выслушавъ его разсказъ, восхвалилъ въ великой радости святого Георгія Побѣдоносца и плакалъ отъ счастья и благодарности.

А вотъ еще чудо, похожее на только что описанное. Жили въ городѣ Амастридѣ мужъ и жена. Звали ихъ Леонтій и Ѳеофанія. Они, усердно почитая св. Георгія Побѣдоносца, украшали, какъ могли, церковь во имя святого, находившуюся недалеко отъ ихъ имѣнія. И въ честь святого Георгія устраивали нищимъ обѣды. У нихъ былъ сынъ, котораго они въ честь великомученика

назвали Георгіемъ. Когда напали на страну греческую болгары, ихъ сынъ Георгій долженъ былъ идти въ войско защищать отечество отъ враговъ. Родители, поручивъ его святому Георгію, отпустили его на войну. Сынъ ихъ попалъ въ плѣнъ. Велико было горе, велика была скорбь Леонтія и Ѳеофаніи. Они непрестанно молились святому Георгію, защитнику ихъ сына, чтобы онъ помогъ имъ въ ихъ неизреченной скорби. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ насталъ день праздника св великомученика. Родители, какъ всегда, въ честь святого устроили обѣдъ для нищихъ, знакомыхъ и родственниковъ. Только и говорили они о своемъ горѣ, о возлюбленномъ ихъ сынѣ-плѣнникѣ.

Въ это время сынъ ихъ Георгій, въ плѣну, работалъ, какъ поваръ, на кухнѣ своего господина. Онъ вспоминалъ, какъ сегодня въ домѣ его родителей празднуютъ день св. Георгія Побѣдоносца, и горько, горько плакалъ. Вотъ отеръ онъ слезы, снялъ съ огня горшокъ съ ѣдою и уже приготовился нести кушаніе своему господину, какъ внезапно оказался дома, продолжая держать въ рукахъ котелокъ съ кушаньемъ. Онъ разсказалъ, какъ нѣкій юноша, сіяющій неизреченнымъ свѣтомъ, на бѣломъ конѣ, взялъ его и перенесъ сюда. Родители и гости плакали отъ радости. Юноша угостилъ всѣхъ изъ своего котелка, и случилось опять Божье чудо — изъ небольшого котелка хватило кушанія на многихъ, многихъ гостей. Сколько онъ ни угощалъ, кушанья не убывало. Послѣ этотъ котелокъ Леонтій и Ѳеофанія отдали въ церковь святого великомученика Георгія, и всѣ узнали о чудѣ, которое совершилъ святой надъ ихъ сыномъ.

Со временемъ эта церковь обветшала. Никто не чинилъ ее, и новую не строили. Такъ постепенно опустѣлъ Божій храмъ. Но въ этой церкви, небольшой и древней, произошло новое великое чудо. Около храма собирались дѣти и играли. Среди нихъ былъ мальчикъ, котораго всѣ обижали. Сталъ онъ молиться, смотря на церковь святого Георгія: «Святой Георгій, помоги мнѣ одолѣть дѣтей. Я тебѣ за это принесу вкусный пирогъ». Помолился мальчикъ — и тотчасъ одолѣлъ другихъ дѣтей. Придя домой, онъ разсказалъ матери, что обѣщалъ святому пирогъ. Мать дала ему пирогъ только что испеченный, еще теплый. Мальчикъ положилъ его передъ алтаремъ, поклонился и вышелъ. Въ скоромъ времени вошли въ церковь четыре купца, поклонились св. Георгію и, найдя теплый пирогъ, съѣли его, обѣщавъ за него принести фиміамъ. Когда они собрались выйти изъ церкви, то не нашли церковныхъ дверей. Купцы положили въ даръ святому четыре серебряныя монеты — и опять не нашли дверей; положили одну золотую монету — не могли выйти. Когда же пожертвовали на храмъ четыре золотыхъ — то нашли двери церковныя откры-

тыми. О чудѣ съ пирожкомъ узнала вся страна, и каждый сколько могъ, принесъ на обновленіе святого храма. И такъ выстроили въ честь великомученика Георгія каменную большую церковь, прекрасно украшенную.

Одинъ монахъ по имени Георгій такъ разсказывалъ о мальчикѣ-пастухѣ, котораго исцѣлилъ св. Георгій великомученикъ: «Шелъ я однажды въ гору, неся въ рукѣ крестъ. Встрѣтилъ меня на пути старый монахъ, взялъ у меня крестъ — и пошелъ по тропинкѣ. Я пошелъ слѣдомъ за нимъ. Въ скоромъ времени мы встрѣтили стадо овецъ. Рядомъ лежалъ пастухъ. Онъ умиралъ отъ укуса змѣи. Вблизи былъ источникъ воды. И сказалъ мнѣ старецъ: «Почерпни воды и обольемъ крестъ». Мы открыли уста умирающему и влили воду ему въ ротъ съ креста. Старецъ сказалъ: «Во имя Пресвятой Троицы исцѣляетъ тебя святой великомученикъ Георгій». Мальчикъ выплюнулъ ядъ змѣиный и всталъ здоровымъ. Старецъ сталъ его укорять: «Разскажи мнѣ, какъ ты вчера обманулъ бѣдную вдову? Ты обѣщалъ пасти ея овцу, самъ же продалъ ее за три серебряныя монеты, а ей солгалъ, будто волкъ съѣлъ овцу». Пастухъ удивился, испугался, откуда старецъ узналъ правду. И объяснилъ ему старецъ: «Сидѣлъ я въ келліи, вдругъ прибылъ ко мнѣ мужъ на бѣломъ конѣ и сказалъ мнѣ: «Софроній, встрань и иди скорѣе къ источнику, который отъ тебя на югѣ. Тамъ ты найдешь мальчика, ужаленнаго змѣей. По дорогѣ ты встрѣтишь монаха, несущаго крестъ, вырѣзанный изъ дерева. Возьми крестъ, облей его водой и дай отроку пить этой воды, говоря такъ: «Во имя Отца и Святаго Духа, исцѣляетъ тебя мученикъ Георгій». А мальчику ты скажи: «Не клянись именемъ Божьимъ, ни святыми Его, никому не дѣлай зла и отдай убогой вдовицѣ овцу, чтобы съ тобой еще хуже чего не было». Пастухъ упалъ къ ногамъ монаха Софронія, говоря: «Прости, отецъ мой, я продалъ овцу вдовы и солгалъ ей говоря: «волкъ съѣлъ овцу», вдова мнѣ отвѣтила: «Правду ты мнѣ говоришь или ложь — не знаю, но пусть съ тебя взыщетъ эту овцу Богъ и св. Георгій. Я обѣщала эту овцу великомученику св. Георгію на его праздникъ для бѣдныхъ, нищихъ людей». — Я же согрѣшилъ, святой отецъ. Помолись св. Георгію Побѣдоносцу, чтобы онъ простилъ мое согрѣшеніе. Я же отдамъ въ день св. Георгія этой женщинѣ за овцу три барана и до конца своей жизни буду изъ заработка моего удѣлять бѣднымъ на праздникъ великомученика».

Исцѣлившись, пастухъ отошелъ на свое дѣло, благодаря Бога и угодника Его — св. Георгія Побѣдоносца.

Подумайте, дѣти, какъ близки къ намъ святые. Не только Всевѣдущій Господь, но и Его угодники видятъ наши согрѣшенія, наши нехорошія дѣла. И святые могутъ наказать насъ по Божьему

велѣнію за грѣхи наши. Еще послушайте объ одномъ великомъ чудѣ св. Георгія.

Это чудо произошло въ странѣ Палестинской, недалеко отъ города Лидды, гдѣ было погребено тѣло великомученика Георгія. При городѣ Виритѣ было очень большое озеро. Въ этомъ озерѣ жилъ страшный змѣй. Онъ выходилъ по временамъ изъ озера и похищалъ многихъ людей. Иногда онъ приближался къ самымъ городскимъ стѣнамъ и своимъ ядовитымъ дыханіемъ отравлялъ воздухъ. Многіе умирали отъ ядовитаго его дыханія. Но никто не могъ убить этого змія. Наконецъ, народъ пошелъ къ царю: «Что намъ дѣлать съ этимъ зміемъ?» Царь спросилъ у своихъ боговъ, и бѣсы черезъ нихъ отвѣтили: «Чтобы змій не сердился, надо ему въ жертву каждый день приносить дѣтей». Царь сказалъ народу: «Когда очередь дойдетъ до меня, то, хотя у меня и одна дочь, я все же и ее принесу въ жертву змію». Какъ царь обѣщалъ, такъ и сдѣлалъ. Дошла очередь до его единственной дочери. Украсилъ онъ свою дочь прекрасными одеждами, поставилъ ее на берегу озера, а самъ, въ горѣ великомъ, сталъ смотрѣть на свое единственное дитя изъ дворца. Царевна стояла одна и рыдала. Вдругъ предсталъ предъ нею святой великомученикъ Георгій — воинъ Царя Небеснаго, ѣдущій на конѣ, держа въ рукѣ копье. «Почему ты стоишь здѣсь и плачешь?» — спросилъ царевну св. Георгій. «Убѣгай отсюда съ твоимъ конемъ, добрый юноша, а то умрешь вмѣстѣ со мною!» — воскликнула дѣвица и разсказала великомученику о страшномъ змѣѣ. Отвѣтилъ ей святой: «Не бойся, дѣвица. Я во имя Господа моего, Бога истиннаго, избавлю тебя отъ змія». Когда появился змій, святой осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и призывая имя Божіе устремился на змія, потрясая копьемъ. Онъ сильно ударилъ его въ гортань, а конь топталъ змія ногами. Великомученикъ повелѣлъ дѣвицѣ, чтобы она, связавъ своимъ поясомъ змія, повела его, какъ кроткаго пса, въ городъ. Народъ, увидѣвъ змія, сталъ разбѣгаться отъ страха. Св. Георгій Побѣдоносецъ призывалъ ихъ не бояться. Онъ убилъ змія мечемъ посреди города. Тогда царь города и весь народъ увѣровали во Христа и крестились. Выстроена была народомъ большая и прекрасная церковь во имя Пречистой Дѣвы Богородицы. Когда была освящена эта церковь, изъ алтаря истекъ источникъ воды живой, исцѣляющій всякую болѣзнь во славу Самого Царя Славы, Бога въ Троицѣ, Отца и Сына и Святого Духа, хвалимаго во святыхъ своихъ во вѣки. Аминь.

М. В.

УЧИЛИЩЕ БЛАГОЧЕСТІЯ

Воистину Воскресе Христосъ!*)

Взаимно отвѣтствую тебѣ, дорогой мой собратъ во Христѣ, сими великими, новозавѣтными словами, радостно лобызая о Воскресшемъ Господѣ и молитвенно желая тебѣ всѣхъ милостей отъ Христа-Жизнодавца въ твоемъ великомъ, ратномъ подвигѣ.

Воскресшій Христосъ посредѣ насъ!!!

Милостью Всевышняго, праздникъ святой Пасхи мы встрѣтили и провели весьма торжественно и благолѣпно, мирно и благополучно; величіе и святость этого праздника не могли быть омрачены никакими земными треволненіями и ужасами, ибо они превыше всего земного и суетнаго.

Шесть недѣль длилась строгая и мрачно-величественная пора святой четыредесятницы, какъ у насъ на Валаамѣ, такъ и по всему лицу родной земли, раздавался это время печальный, унылый и плачущій звонъ церковныхъ колоколовъ, наполнились молящимися храмы Божіи и въ словахъ покаяннаго вопля носилось предъ нами предчувствіе страшнаго, неизбывнаго суда Божія...

Для насъ иноковъ и для тѣхъ благочестивыхъ мірянъ, что живутъ церковною жизнію, весь великій постъ проходитъ тихо и умиленно, среди покаянныхъ молитвъ и трогательныхъ воспоминаній. Уже со средины св. поста вѣрующіе покланяются Кресту Господню и сей Крестъ созерцается ими какъ бы въ нѣкоемъ отдаленіи постепенно приближающейся священной Голгоѳы, — великихъ дней страстей Господнихъ. И чѣмъ ближе эти дни, тѣмъ больше напоминаній о покаяніи. Въ четвергъ на пятой недѣлѣ поста вновь прочитывается весь Великій Канонъ пр. Андрея Критскаго, — этотъ покаянный плачъ грѣшника у затворенныхъ вратъ райскихъ. Въ слѣдующее пятое воскресенье представляется единственный по высотѣ покаянія и духовнаго обновленія трогательный примѣръ въ лицѣ преподобной Маріи египетской. Пятницей вербной седмицы кончается собственно святая четыредесятница; какъ Христу, грядущему на вольную страсть, тихая Вифанія дала отдыхъ, такъ утомленнымъ трудникамъ святаго поста облегчается сей постъ на два дня: субботу лазареву и вербное воскресенье. Съ ваіями и вѣтвьми,

*) Отвѣтныя пасхальныя письма, посылавшіяся съ Валаама на фронтъ въ теченіе Великой Войны въ 1915-16-17 г.г.

съ пѣніемъ «осанна, благословенъ Грядый», встрѣчаемъ мы Господа, грядущаго на страданія.

На слѣдующее утро, въ великій понедѣльникъ, уже трогательно звучатъ чудесныя пѣснопѣнія: «Се женихъ грядетъ въ полунощи» и «Чертогъ Твой вижду, Спасе мой, украшенный». На часахъ начинается чтеніе всѣхъ четырехъ евангелистовъ подрядъ, передъ нами проходитъ вся жизнь нашего Спасителя на грѣшной землѣ: мы видимъ всѣ Его чудеса, слышимъ все Его божественное ученіе, всѣ Его завѣты...

Въ великій вторникъ — снова напоминаніе о страшномъ судѣ Божіемъ, грядущемъ и приближающемся.

Въ среду вѣрующее сердце можетъ выплакать свое горе, омыть свои нечистоты духовныя у ногъ своего Спасителя, вмѣстѣ съ женою, помазавшею Господа мvромъ.

Великій четвергъ. — Тайная Вечеря. Христосъ среди учениковъ Своихъ проводитъ послѣднюю вечерю, изливаетъ предъ ними Свою любящую душу. Уже на этой вечери слышится тихая грусть, глубоко сокрытая скорбь Спасителя, но Онъ утѣшаетъ любимцевъ Своихъ, ибо видитъ, что и они предчувствуютъ грядущую разлуку. Только Іуда злочестивый является темнымъ пятномъ на этой трогательной вечери, и лишь только вышелъ онъ изъ священной горницы, какъ отверзлись уста Божественнаго Учителя и полились Его сладостныя рѣчи въ Его прощальной бесѣдѣ съ учениками... Закончился этотъ день для Спасителя не покоемъ, а уже начавшимися съ этой ночи страданіями: сонъ и покой уже миновали для Него до той страшной минуты, когда смертно успокоился Онъ плотски на крестѣ.

Святая Церковь съ особенною силою въ своихъ стихирахъ сего дня выражется негодованіе къ кознямъ іудейскимъ и вѣроломству Іудину съ одной стороны и благоговѣйное преклоненіе предъ неизреченнымъ долготерпѣніемъ Спасителя — съ другой.

Какъ хорошъ, какъ глубоко содержателенъ прекрасный канонъ этого дня: «Сѣченое сѣчется море чермное», съ какимъ трогательнымъ умиленіемъ звучитъ тропарь великаго четверга: «Егда славніи ученицы»!

Пятокъ — великій пятокъ! Господь среди страданій! Это величайшій день, преисполненный скорбію и осѣненный славою креста Христова. Каждый часъ этого дня есть новый и новый подвигъ искупительныхъ страданій Спасителя, и отголосокъ этихъ страстей слышится въ каждомъ словѣ нашего дивнаго Богослуженія, какъ по силѣ умиленія и трогательности, такъ и по глубинѣ безграничнаго, безмѣрнаго состраданія страждущему Божественному Мученику.

Уже одна утреня великаго пятка есть раздирающая душу повѣсть страданій Спасителя... Страшную ночь воспроизводитъ это Богослуженіе, совершаемое по уставу глубокою ночью: мракъ природы; мракъ черной злобы іудеевъ, ищущихъ убить Спасителя; смертныя скорби Искупителя во мракѣ Геѳсиманскаго сада, потомъ крайняя степень униженія Его, уже преданнаго своимъ ученикомъ и взятаго врагами, — все это усугубляетъ ужасъ этой ночи. Св. Церковь Христова каждый годъ воспроизводитъ эту ночь со всѣми

ея ужасами: медленно тянется эта единственная ночь, а православные все въ храмѣ, за долгимъ, долгимъ Богослуженіемъ, все не спускаютъ мысленныхъ очей съ Божественнаго Страдальца, все неотступно слѣдуютъ за Нимъ, и только жалобные, заунывные и рѣдкіе удары колокола возвѣщаютъ постепенно слѣдованіе страшныхъ событій! Предъ мысленными очами христіанина въ храмѣ смѣняются картины одна за другою и одна другой печальнѣе, ужаснѣе, поразительнѣе! Двѣнадцать евангельскихъ чтеній передаютъ во всей полнотѣ и подробности потрясающую сердце исторію страданій Спасителя, раскрываютъ предъ нами великое дѣло Любви Божіей, воплотившейся и страждущей за грѣхи міра, а пѣснопѣнія церковныя между евангеліями выражаютъ прискорбнѣйшія чувствованія. Св. Церковь, пронзенная въ самое сердце объявшею ее скорбію, какъ будто не можетъ собрать своихъ мыслей, спокойно остановиться своимъ вниманіемъ на чемъ либо одномъ: куда ни обратится она мыслію, на что ни устремитъ взоръ свой — вездѣ и всюду новые и новые поводы къ воплямъ, къ слезамъ, новые источники скорби и страданія! Все вызываетъ слезы, все удручаетъ, подавляетъ и переполняетъ скорбь Церкви, не знающей утѣшенія въ эти часы безпримѣрнаго и ужаснѣйшаго святотатства на землѣ! Ища утѣшенія, Церковь обращаетъ взоры свои на небо, на землю, но и въ нихъ видитъ только трепетъ и смятеніе!..

Какіе въ этотъ день стихиры, какіе антифоны! Нѣтъ ничего трогательнѣе въ поэзіи, какъ эти антифоны, эти стихиры, эти сѣдальны великаго пятка! А напѣвы? Наши древніе церковные напѣвы! Какая музыка можетъ сравниться съ ними? Кто не смягчался сердцемъ, у кого не выступали слезы хотя бы при пѣніи свѣтильна: «Разбойника благоразумнаго»!

Величіе дня всемірной скорби великой пятницы не позволяетъ совершать въ этотъ день литургію, вмѣсто которой совершаются часы и наконецъ вечерня, — единственная въ году вечерня, съ выносомъ св. плащаницы, съ трогательнымъ пѣніемъ «Благообразный Іосифъ».

Начиная съ часа пропятія Господа Іисуса Христа служится это дивное вечернее богослуженіе, въ которомъ все вниманіе св. Церкви обращено на Распятаго Господа и на уготовляемый для него гробъ. Во всемъ богослуженіи слышится теперь послѣдній, горькій плачъ Церкви надъ Распинаемымъ въ эти минуты Божественнымъ Страдальцемъ. Но вотъ уже кончились мученія, уже «совершишася» на Голгоѳѣ.

Между тѣмъ наступило время положенія во гробѣ тѣла Господня. Прежде всего прочитывается подробное евангельское сказаніе о всѣхъ обстоятельствахъ смерти Спасителя, затѣмъ начинается и самый обрядъ положенія во гробъ тѣла Господня: священнослужители, слѣдуя Іосифу и Никодиму, полагаютъ на престолъ плащаницу и умащаютъ ее благовоніемъ отъ кадимаго на нее ѳиміама. Въ это время въ храмѣ раздается благосердный плачъ Іосифа Аримаѳейскаго, сподобившагося погребсти Іисуса Христа: это одно изъ самыхъ дивныхъ и трогательнѣйшихъ пѣснопѣній цер-

ковныхъ «Тебе, одѣющагося свѣтомъ, яко ризою, снемъ Іосифъ съ древа съ Никодимомъ, и видѣвъ Тя мертва, нага, непогребенна, благосердый плачъ восприимъ, рыдая, глаголаше: увы мнѣ, Сладчайшій Іисусе...». Эта чудная и несравненная пѣснь и все совершающееся въ храмѣ производятъ такое сильное впечатлѣніе и такъ устремляютъ въ воспоминаемыя событія, что какъ бы все это совершается предъ нашими глазами: Іосифъ подымается на крестъ Спасителя, съ помощію Никодима освобождаетъ пронзенныя руки и ноги Его отъ гвоздей, и въ объятіяхъ своихъ благоговѣйно снимаетъ пречистое тѣло на землю, горько рыдая надъ бездыханною, такъ поруганною, но въ этомъ уничиженіи еще болѣе дорогою, еще болѣе святѣйшею святынею...

Затѣмъ при протяжномъ пѣніи всѣмъ извѣстнаго и всѣми любимѣйшаго тропаря «Благообразный Іосифъ» плащаница выносится изъ алтаря во храмъ, гдѣ и полагается на срединѣ церкви, знаменуя собою снятіе со креста и гробъ Господень. На персяхъ Спасителя полагается его духовное завѣщаніе всѣмъ намъ, — Новый Завѣтъ, запечатлѣнный Его святѣйшею кровію.

Что можетъ быть умилительнѣе этихъ обрядовъ Христова погребенія? Какая вѣрующая душа не выронила слезу при пѣніи захватывающей сердце дивной стихиры «Тебе одѣющагося» и «Пріидите ублажимъ Іосифа приснопамятнаго»?!

Вечеромъ этого дня совершается «канонъ на распятіе и на плачъ Пресвятой Богородицы», въ которомъ слышатся стоны и вопли, исходящіе изъ глубины растерзанной скорбью души и надрывающіе сердце: это голосъ Матери Его, у Которой разрывалось сердце при видѣ нестерпимыхъ страданій, смерти и погребенія возлюбленнаго Сына Ея.

Такъ заканчивается этотъ великій и страшный день церковный, полный памяти такихъ событій, подобныхъ которымъ не было отъ созданія міра и какія уже не повторятся до конца міра!

Наконецъ великая суббота субботъ.

Утреня этой благословенной субботы, эта таинственная, глубокопоэтичная каѳизма съ ея похвалами Господу, почивающему во гробѣ, — похвалами, полными духовныхъ созерцаній того, что творится въ загробномъ мірѣ и въ самой преисподней въ то время, когда Творецъ міра тѣломъ почивалъ во гробѣ; этотъ дивный, небесный и также полный поэзіи и глубокаго богословствованія канонъ «Волною морскою» и, наконецъ, крестный ходъ вокругъ храма съ плащаницею въ полумракѣ ранняго утра, при печальномъ перезвонѣ колоколовъ, при заунывныхъ звукахъ надгробной молитвы, — все это въ совокупности представляетъ величественную и трогательнѣйшую картину, вызывающую у вѣрующихъ слезы святаго одушевленія и небеснаго восторга, и является, вмѣстѣ съ тѣмъ, достойнымъ окончаніемъ этого высоко-прекраснѣйшаго богослуженія.

Литургія великой субботы является величавымъ завершеніемъ страстныхъ богослуженій и въ тоже время отраднѣйшимъ предначатіемъ пасхи, въ теченіе этой знаменательной литургіи мирно почіетъ во гробѣ бездыханное тѣло Господа.

Поздно заканчивается эта прекраснѣйшая литургія, соединенная съ вечернею, наступаетъ ночь «святозарнаго дня провозвѣстница», но не для сна эта единственная и несравненная, эта свѣтлая святѣйшая ночь! Съ наступленіемъ вечерняго сумрака раздается тихій благовѣстъ, призывающій вѣрныхъ въ храмъ: начинается ночное, предпасхальное бдѣніе. Никто и ничто не спитъ: всѣ и все полно неизъяснимо-радостнаго и таинственнаго-трепетнаго ожиданія.

Въ глубокую полночь раздается торжественный, ликующій и побѣдный, всѣми нетерпѣливо ожидаемый ударъ колокола. Всѣ уже въ церкви, на божественной стражѣ. Еще среди церкви стоитъ плащаница, еще раздается и таинственный канонъ великой субботы «Волною морскою», но это уже послѣдніе, замирающіе отзвуки незабвенной субботы.

Торжественно отверзаются царскія двери, являются въ свѣтлыхъ, блистающихъ ризахъ священнослужители и на главахъ своихъ уносятъ плащаницу въ алтарь. Потомъ, съ крестомъ, хоругвями, иконами, съ зажженными свѣчами, исходятъ они изъ храма и въ тишинѣ и мракѣ ночи, на землѣ, раздается пѣніе и вообще совершается то же, что въ эти мгновенія и у ангеловъ на небеси: «Воскресеніе Твое Христе Спасе, ангели поютъ на небеси и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити».

Всѣ христіане устремляются изъ церкви, какъ бы въ срѣтеніе Воскресшему, чтобы, подобно мvроносицамъ, у дверей гроба, услышать предъ дверьми храма это несомнѣнное, уже теперь совершившееся, дивно-радостное:

Христосъ Воскресе!

ХРИСТОСЪ — НОВАЯ ПАСХА.

(О БОГОСЛУЖЕНІЯХЪ СВЯТОЙ ПАСХИ) *).

Пасхальная Полунощница.

Съ самой зари Христіанства вѣрные проводили Пасхальную ночь въ храмѣ. По разсказу историка Евсевія, имп. Константинъ Вел. превращалъ эту священную ночь въ ликующій день. По всему городу зажигались высокіе столбы, какъ бы огненныя лампады, такъ что эта таинственная ночь становилась свѣтлѣе самаго свѣтлаго дня.

Съ 8-ми час. вечера передъ Плащаницей начинается чтеніе Дѣяній Апостольскихъ въ ознаменованіе новой жизни, — жизни Церкви искупленной Кровью Христа.

Въ половинѣ двѣнадцатаго ночи хоръ начинаетъ пѣть велико-

*) Извлечено изъ журнала «Хлѣбъ Небесный». Харбинъ 1941 г. № 4.

субботній канонъ «Волною морскою». Но уже совсѣмъ по иному звучатъ здѣсь эти таинственныя слова. Нѣтъ уже больше скорби, душа улавливаетъ въ нихъ радостное приближеніе Воскресенія. Во время пѣнія Полунощницы, Плащаница уносится въ алтарь и полагается тамъ на Престолъ и остается тамъ до праздника Вознесенія — въ знакъ сорокадневнаго пребыванія Воскресшаго Спасителя на землѣ.

Пасхальная утреня.

Пасхальная Утреня начинается въ 12 час. ночи торжественнымъ крестнымъ ходомъ вокругъ храма. Духовенство, облаченное «во весь свѣтлѣйшій санъ», съ крестомъ, Евангеліемъ, иконами и хоругвями, окруженное толпой съ зажженными свѣчами, подъ радостный звонъ колоколовъ, выходитъ изъ храма какъ бы навстрѣчу грядущему Спасителю, съ пѣніемъ стихиры: «Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небесѣхъ: и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити». Ангельская пѣснь уже звучитъ въ небесахъ: «и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити». Ангельская пѣснь уже звучитъ на небесахъ, а люди еще шествуютъ во мракѣ ночи, но уже трепетно бьется сердце въ предчувствіи всеозаряющей радости Воскресенія. Обойдя вокругъ храма, крестный ходъ останавливается въ притворѣ передъ закрытыми дверями, какъ бы у входа ко гробу Господню. И вотъ, раздается радостная вѣсть: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ». Раскрываются двери — и весь священный сонмъ торжественно вступаетъ въ сіяющій огнями храмъ. Начинается пѣніе пасхальнаго канона. По толкованію синаксаря (сводка — итогъ богослуженія — краткое чтеніе, положенное послѣ 6-ой пѣсни канона), слово «Пасха» значитъ «переведеніе»; отъ небытія къ бытію, отъ ада — на небо; отъ смерти и тлѣнія — къ безсмертію, которое и является первоначальнымъ и естественнымъ состояніемъ человѣка. Съ воспѣванія Пасхи, какъ «переведенія» человѣческой жизни къ ея первоначальнымъ истокамъ — безсмертію, вѣчной жизни — и начинается пасхальный канонъ.

Пѣснь 1-я. Ирмосъ.

Воскресенія день, просвѣтимся людіе: Пасха, Господня-Пасха (т. е. переходъ въ иное бытіе), ибо отъ смерти въ жизнь и отъ земли — къ небу Христосъ Богъ привелъ насъ, поющихъ побѣдную пѣснь.

Припѣвъ: Христосъ воскресе изъ мертвыхъ.

Тропари:

Очистимъ чувства и узримъ Христа, сіяющаго неприступнымъ свѣтомъ воскресенія и «радуйтесь» явственно услышимъ отъ Него, воспѣвая побѣдную пѣснь.

Вмѣстѣ съ радующейся землей, веселятся и небеса, празднуетъ весь міръ — видимый и невидимый — міръ ангельскій, ибо возсталъ Христосъ — веселіе вѣчное.

Пѣснь 3-я. Ирмосъ.

Пріидите питіе піемъ новое...

Тропари:

Нынѣ все наполнилось свѣтомъ — небо и земля и преисподняя, да празднуетъ же вся тварь возстаніе Христово, въ которомъ она утверждена.

Вчера я погребался съ Тобою, Христе, сегодня, когда Ты воскресъ, совозстаю съ Тобою, прославь меня съ Тобою Самъ Ты, Спасе, во Царствіи Твоемъ.

Пѣснь 4-я. Ирмосъ.

На божественной стражѣ богоглаголивый Аввакумъ да станетъ съ нами и покажетъ свѣтоноснаго Ангела, ясно восклицающаго: нынѣ спасеніе міру, ибо воскресъ Христосъ, какъ всесильный. (Угнетаемый мыслью о торжествѣ зла прор. Аввакумъ напряженно ожидалъ отъ Бога вѣсти о торжествѣ правды и спасеніи міра.)

Тропари:

Какъ человѣкъ Христосъ явился существомъ мужского пола, первенцемъ у Своей Матери Дѣвы, какъ истинный Богъ Онъ всесовершененъ, непороченъ, непричастенъ нечистотѣ грѣха. Только будучи непорочнымъ Агнцемъ Онъ и могъ стать нашей Пасхой, нашимъ избавленіемъ отъ тлѣнія и смерти.

Пѣснь 5-я. Ирмосъ.

Возстанемъ раннимъ утромъ («Утренюемъ утреннюю глубоку») и вмѣсто мѵра пѣснь принесемъ Владыкѣ и Христа узримъ, Солнце правды, всѣхъ жизнью просвѣщающаго.

Тропари:

И тѣ, кто послѣ смерти находились въ состояніи погруженности въ духовный мракъ и муку, были «адовыми узами содержимы», и они, узрѣвъ безмѣрное милосердіе въ Его воскресеніи, радостной поступью (веселыми ногами) потекли къ свѣту.

Жизнь есть за гробомъ — вотъ высшая сущность пасхальнаго торжества. Христосъ воздвигъ къ жизни умершихъ до Его пришествія, но чаявшихъ его. Воздвигъ Онъ и умершихъ съ вѣрою въ Него послѣ Его пришествія, какъ воздвигнетъ и нынѣ умирающихъ и имѣющихъ умереть въ вѣкѣ семъ. Для всѣхъ ихъ, для всѣхъ насъ посмертное ожиданіе Его второго славнаго пришествія есть лишь трехдневное пребываніе во гробѣ по примѣру и образу Самого Христа. Православный народъ въ пасхальные дни несетъ эту радостную вѣсть и на могилы своихъ усопшихъ.

Выходитъ Христосъ изъ гроба, какъ Женихъ, приступимъ къ Нему со свѣтильниками въ рукахъ и вмѣстѣ съ радостно празднующими чинами ангельскими будемъ праздновать Пасху Божію спасительную.

Пѣснь 6-я. Ирмосъ.

Снисшелъ еси въ преисподняя земли и сокрушилъ еси узы вѣчныя, бывшія связанными, Христе и тридневенъ, какъ отъ кита Іона, воскресъ отъ гроба.

Кондакъ.

«Аще и во гробъ снизшелъ еси, Безсмертне...» Съ мистическихъ высотъ богомыслія, кондакъ снова приводитъ насъ къ историческому событію воскресенія, а слѣдующій за нимъ икосъ повѣствуетъ намъ о переживаніяхъ св. женъ-мvроносицъ, спѣшившихъ помазать тѣло живоносное и погребенное, плоть Того, Кто воскресилъ Адама, но Самъ лежитъ во гробѣ. Какъ волхвы, онѣ спѣшатъ поклониться Христу, но не пеленами, а плащаницей обвитому. Ихъ плачъ смѣняется радостнымъ видѣніемъ Ангела, возвѣщающаго имъ воскресеніе. За этимъ слѣдуетъ пѣніе воскресной пѣсни, которая повторяется на каждой воскресній утрени: «Воскресеніе Христово видѣвше поклонимся Святому Господу Іисусу, единому безгрѣшному, Кресту Твоему поклоняемся, Христе, и святое воскресеніе Твое поемъ и славимъ: Ты бо еси Богъ нашъ, развѣ Тебе иного не знаемъ, имя Твое именуемъ. Пріидите, вси вѣрніи, поклонимся святому Христову воскресенію: се бо пріиде крестомъ радость всему міру. Всегда благословяще Господа, поемъ воскресеніе Его: распятіе бо претерпѣвъ смертію смерть разруши».

Пѣснь 7-я Тропарь.

Смерти празднуемъ умерщвленіе, разрушеніе ада и въ веселіи воспѣваемъ Виновника Единаго благословеннаго Бога и препрославленнаго.

Пѣснь 8-я.

Восьмая пѣснь напоминаетъ намъ, что радость пасхальная есть радость Евхаристіи, данная Христому всему міру.

Тропари:

Пріидите пріобщимся новаго винограднаго плода, божественнаго веселія, Царствія Христова.

Возведи окрестъ очи твоя, Сіоне (обращеніе къ Новозавѣной Церкви) и виждь: вотъ стеклись къ тебѣ, какъ богосвѣтлыя свѣтила отъ запада, сѣвера и моря и востока, чада твоя, благословляющія въ тебѣ Христа во вѣки.

8-я пѣснь заканчивается прославленіемъ Святой Троицы.

Послѣ 8-й пѣсни на обычной утрени слѣдуетъ пѣснь Богородицы «Величитъ душа моя Господа». Здѣсь она замѣняется особымъ пасхальнымъ припѣвомъ, величающимъ Страдавшаго, Погребеннаго и Воскресшаго Христа, и умилительной пѣснью Ангела Богородицѣ: «Ангелъ вопіяше Благодатней: Чистая Дѣво, радуйся. И паки реку: радуйся. Твой Сынъ воскресе тридневенъ отъ гроба, и мертвыя воздвигнувый: людіе, веселитеся».

Пѣснь 9-я. Ирмосъ.

Божья Матерь есть новый Іерусалимъ, новозавѣтный Сіонъ, слава Церкви, и ирмосъ 9-о пѣсни соединяетъ воедино Ея образъ съ образомъ прославленной Христовой Церкви: Святися, святися, новый Іерусалиме, слава бо Господня на тебѣ возсія: ликуй нынѣ и веселися, Сіоне: Ты же чистая красуйся Богородице, о возстаніи Рождества Твоего.

Въ тропаряхъ 9-й пѣсни пасхальное ликованіе достигаетъ своего высшаго напряженія. Душа переполнена до краевъ, какъ полная чаша, и уже не находитъ словъ для выраженія своего блаженства.

Тропари:

О сколь божественень, о сколь любезенъ, о сколь сладокъ Твой гласъ Христе...

О Пасха великая и священнѣйшая, Христе, о Премудросте, Слове Божіе и сила, удостой насъ совершеннѣе причащаться Тебя въ невечерній день Твоего Царствія.

Слѣдующее пѣснопѣніе въ чеканныхъ, и сильныхъ словахъ снова говоритъ намъ о единствѣ Пасхи Крестной и Пасхи Воскресной.

«Плотію уснувъ, яко мертвъ, Царю и Господи, тридневенъ воскреслъ еси, Адама воздвигъ отъ тли и упразднивъ смерть: Пасха нетлѣнія, міра спасеніе.

Въ концѣ утрени поются торжественныя пасхальныя стихиры.

Стихи Пасхи.

Стихъ: Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его.

Пасха священная намъ днесь показася: Пасха нова, святая, Пасха таинственная, Пасха всечестная, Пасха Христосъ Избавитель: Пасха непорочная, Пасха великая, Пасха вѣрныхъ, Пасха двери райскія намъ отверзающая: Пасха всѣхъ освящающая вѣрныхъ.

Стихъ: Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ.

Пріидите отъ видѣнія, жены благовѣстницы, и Сіону рцыте: пріими отъ насъ радости благовѣщенія, воскресенія Христова: красуйся, ликуй и радуйся, Іерусалиме, Царя Христа узрѣвъ изъ гроба яко жениха происходяща.

Стихъ: Тако да погибнутъ грѣшницы отъ лица Божія, а праведницы да возвеселятся.

Мvроносицы жены, утру глубоку предсташа гробу Жизнодавца, обрѣтоша Ангела на камени сѣдяща, и то, провѣщавъ имъ, сице глаголаше: что ищете Живаго съ мертвыми, что плачете Нетлѣннаго во тли? Шедше проповѣдите ученикомъ Его.

Стихъ: Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь.

Пасха красная, Пасха Господня, Пасха. Пасха всечестная намъ возсія. Пасха, радостію другъ друга объимемъ. О, Пасха, избавленіе скорби: ибо изъ гроба днесь яко отъ чертога возсіявъ Христосъ, жены радости исполни, глаголя: проповѣдите Апостоломъ.

Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и нынѣ, и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Воскресенія день, и просвѣтимся торжествомъ, и другъ друга объимемъ, рцемъ: братіе, и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ и тако возопіимъ: Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ.

Послѣ послѣдней стихиры происходитъ обрядъ христосованія, о которой въ Цвѣтной Тріоди (заключающей въ себѣ богослуженія

Пасхальныхъ седмицъ до Троицы) сказано: «Поемъ Христосъ Воскресе, дондеже цѣлуютъ братія другъ друга».

Обычай привѣтствовать другъ друга братскимъ поцѣлуемъ — очень древній. Въ древней церкви онъ исполнялся за каждой Литургіей, а теперь отъ него осталось братское цѣлованіе священнослужителей за каждой Литургіей передъ началомъ Евхаристическаго канона. При этомъ духовенство привѣтствуетъ другъ друга словами: «Христосъ посреди насъ. — И есть и будетъ».

Во время Пасхольной утрени вѣрующіе сначала подходятъ христосоваться съ духовенствомъ, а потомъ троекратно цѣлуютъ другъ друга. Слова «Христосъ Воскресе — Воистину Воскресе» не смолкаютъ въ храмѣ въ теченіе всей Пасхальной утрени.Между всѣми пѣснями канона духовенство обходитъ храмъ, и, проходя сквозь ряды молящихся, радостно привѣтствуетъ ихъ пасхальнымъ восклицаніемъ. «Воистину Воскресе» гремятъ имъ въ отвѣтъ сотни голосовъ, и эти радостные возгласы народа сливаются съ ликующимъ пѣніемъ хора.

Утреня заканчивается торжественнымъ чтеніемъ слова св. Іоанна Златоуста.

Новый молитвословъ.

Молитвословъ напечатанъ гражданскимъ шрифтомъ, карманнаго формата. Содержитъ: Молитвы: утреннія, въ продолженіи дня, на сонъ грядущимъ; Каноны: покаянный Господу нашему Іисусу Христу и ко Пресвятѣй Богородицѣ; Тропари и кондаки: воскресные, дневные, на двунадесятые праздники, и на періодъ постной и цвѣтной, и общіе святымъ; Молитвы на разные случаи; Акаѳисты: Спасителю, Божіей Матери и Свят. Николаю; Каноны: Спасителю умилительный, молебный Божіей Матери, и Ангелу Хранителю; Послѣдованіе ко Св. Причащенію и по Св. Причащеніи; Заповѣди Божіи; Канонъ покаянный Спасителю; Указанія о молитвѣ и св. исповѣди. 374 стр.

Цѣна въ брошюрѣ ..... $ 1.50.

Въ хорошемъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ ..... $ 2.75.

Пересылка 10 ¢.

Ivan Michaelson Czap
1312 Morris Building
1421 Chestnut Street
Philadelphia 2, Pa.